

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (97), 2016

УДК 811.161.1'373:811.133.1'373:17.623.32

О некоторых национально-специфических характеристиках концепта «любовь» в русском и французском языках

А.А. КИРЮШКИНА

Данная статья представляет собой попытку выявить лингвокультурную специфику концепта, репрезентируемого в русском языке лексемой «любовь», а во французском лексемой «amour», поскольку такая эмоциональная универсалия как любовь, являясь неотъемлемым компонентом духовной культуры человека вообще, проявляет определенную специфику запечатленных в разных языках представлений о ней. Автор приходит к выводу, что в сопоставляемых языках изучаемые концепты сгруппированы по разным признакам. Кроме того, лексема «amour» способна представлять в речи концепты, воспринимаемые как разные носителями русской лингвокультуры.

Ключевые слова: эмоции, эмоционально-оценочная лексика, концепт «любовь».

Some national-specific characteristics of the «love» concept in Russian and French are considered. The sphere of feelings and emotions is generally recognized as one of the most difficult areas in the description of linguistic and cultural specificity of this or that people. Having made an attempt to reveal the linguistic and cultural specificity of a concept represented in Russian by a lexeme «любовь», and in French by a lexeme «amour», the author comes to conclusion, that in compared languages the studied concepts are grouped according to different criteria. Besides, the lexeme «amour» is capable of representing in speech the concepts which are perceived as different by the native speakers of Russian linguistic culture.

Keywords: emotions, emotional vocabulary, concept of «love».

С антропоцентрической точки зрения человек, использующий систему языка, сводится к понятию «говорящий субъект»: акцентируется его роль как главного действующего лица мира, о котором он говорит. При этом каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира или языковую картину мира. Как следствие, всякая языковая личность, участвующая в процессе коммуникации, обладает набором признаков, маркирующих ее определенным образом. Иными словами, у говорящих языковых личностей – представителей разных культур – существуют различные «ментальные схемы». С точки зрения психологов культурноносным является каждое слово, участвующее в процессе межкультурного общения, поскольку восприятие коммуникантами обозначенного этим словом объекта основывается на разных ассоциациях.

Одной из наиболее сложных областей описания лингвокультурной специфики того или иного народа является сфера эмоций. Будучи неотъемлемой частью речевой деятельности и человека в целом, эмоции являются в то же время и одной из важнейших характеристик последнего, ибо через языковое выражение эмоций познается и сам человек как языковая личность.

Специфика эмоций, по определению В.В. Шаховского, заключается в том, что они одновременно являются и объектом отражения в языке, и средством отражения самих себя и других объектов действительности, а также в том, что их невозможно отделить от отражающего субъекта. С.Л. Рубинштейн отмечает, что чувства человека отражают строение его личности, выявляя ее направленность, ее установки; что оставляет человека равнодушным и что затрагивает его чувства, что его радует и что печалит, обычно ярче всего выявляет – а иногда выдает – истинное его существо.

Для лингвиста интерес представляют языковые средства, используемые при выражении чувств говорящего и воздействующие на эмоциональную сферу слушающего, а также изучение эмоциональных фрагментов языковой картины мира представителей разных культур.

Представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде. Пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в некую единую систему взглядов, или предписаний, и принимается в качестве обязательной носителями языка.

Владение языком предполагает концептуализацию мира. При этом конфигурации идей, заключенные в значениях слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, и у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь. Но при сопоставлении разных языковых картин мира обнаруживаются значительные расхождения между ними.

Анна Зализняк анализирует концепт специфически русского чувства обиды, отмечая отсутствие точного эквивалента этому слову в таких языках как английский, французский и немецкий. Действительно, такие слова, как английские 'to offend', 'offense', французские 'offenser', 'offense', немецкие 'beleidigen', 'Beleidigung', приводимые в словарях в качестве перевода слов 'обидеть', 'обида', на самом деле имеют значение, соответствующее русскому 'оскорбить', 'оскорбление', т. е. заключают в себе иной концепт.

Е.В. Димитрова на примере другого типично русского концепта 'тоска' убедительно доказала, что он не имеет абсолютных эквивалентов во французской лингвокультуре. Его эмотивные смыслы транслируются посредством частичных эквивалентов, только в своей совокупности способных к репрезентации смыслового потенциала русского концепта «тоска» и его эмоциональной составляющей.

Вл. Набоков отмечает, что, как и в случае со словом-концептом 'тоска', русское слово-концепт 'пошлость' имеет множество смысловых оттенков, которые рассыпаны в ряде английских слов и не составляют определенного целого.

Эмоции накладывают свой неизгладимый отпечаток на все результаты человеческой деятельности. А поскольку язык эти результаты облакает в свои формы, то он облакает в них и эмоциональный отпечаток, который национально специфичен, оригинален.

Объектом нашего интереса является такая эмоциональная универсалия как любовь, которая, являясь неотъемлемым компонентом духовной культуры человека вообще, проявляет определенную специфику запечатленных в разных языках представлений о ней, так как «некие общечеловеческие (если не универсальные) концепты по-разному группируются и по-разному вербализуются в разных языках в тесной зависимости от собственно лингвистических, прагматических и культурологических факторов, а, следовательно, и фиксируются в разных значениях» [1, с. 84].

Сопоставляя набор признаков концепта, обозначенного в русском языке лексемой 'любовь', а во французском языке лексемой 'amour', мы обнаружили следующие различия.

В русском языке лексема 'любовь' имеет семему 'любовь-болезнь', не отмеченную у лексемы 'amour' (Страдать, сохнуть умирать по кому-либо от любви. То, что мы называем любовью, простолудин называет порчей, сухотой (В. Даль). От любви твоей загадочной, как от боли, в крик кричу, Стала желтой и припадочной, Еле ноги волочу (А. Ахматова).

Концептуальный признак 'преданность', свойственный концепту 'любовь' не выражен у концепта 'amour'. Он не фигурирует ни в качестве семы языкового знака, ни в качестве синонима, как это имеет место в русском языке.

Кроме того, только в русском языке существует противопоставление 'любовь-влюбленность'. Согласно определению О.М. Воеводской, объединение лексем, их словоформ и дериватов входит в лексико-грамматическое поле лексемы, репрезентирующей концепт [2, с. 111]. На наш взгляд лексемы 'любовь' и 'влюбленность' представляют два разных концепта.

Попытаемся обосновать нашу точку зрения. Анализ словарных дефиниций показал, что лексема 'влюбленность' среди своих смысловых составляющих не содержит сем 'преданность' и 'глубина чувства'. Однако семантическое пространство языка – это только часть концептосферы, получившей выражение с помощью языковых знаков. Поскольку «мир мыслей никогда не находит полного выражения в языковой системе» [3, с. 58], совокупность признаков, полученная из семантического анализа языковых знаков, объективирующих концепт, не представит нам содержания концепта полностью. Для описания последнего нами был проведен эксперимент. Носителям русского языка, семидесяти молодым людям в возрасте от 19 до 23 лет было предложено описать свой чувственный образ, связанный со словами 'любовь' и 'влюбленность'. Признак засчитывался, если его отметило более половины опрошенных.

В первом случае были выявлены признаки:

1. уникальность человека, выбранного объектом любви и, как следствие, готовность мириться с возможными недостатками, полное принятие (незаменимость, один раз в жизни, забота, терпение, жертва, прощение);

2. значимость человека, выбранного объектом любви (боязнь потерять, невозможность жить без него/нее, смысл жизни);

3. готовность видеть его спутником жизни (семья, брак, дети);

4. длительный и неизменный характер отношений (до конца жизни, вечно, навсегда, до старости, устойчивость, постоянно);

5. исключительная близость (единое целое, половинка, взаимопонимание);

6. наличие доверительных отношений (доверие, уверенность, верность, постоянство, преданность);

7. их основательный характер (уважение, защищенность, надежность);

8. противопоставляется концепту ненависть.

Для чувственного образа, связанного со словом влюбленность характерны следующие признаки:

1. периодичность и повторяемость данного состояния (часто, периодически, иногда, частота, в очередной раз, очередное свидание);

2. недолговечность (недолговременно, кратковременно, мгновение, мимолетно, временно, недолго);

3. неглубокие отношения (легкость, легкомысленность, несерьезно, игра, хорошее времяпрепровождение, дискотека, внешность);

4. непрочность (нестабильность, непостоянство, неуверенность, наверное, несерьезность);

5. преходящий характер (расставаться, находить, новые ощущения, сейчас, мимолетно, кажется, что навсегда);

6. выраженные сопутствующие физические ощущения и состояния (состояние невесомости, полет, летать, учащенное сердцебиение, взыграли гормоны, искрящиеся глаза, дрожь, страх, взбудораженность, худеть, улыбка без причины, качели, прыжок с парашютом, перепады настроения, хорошее настроение, розовый цвет);

7. опрометчивость (делать глупости, бесшабашные поступки, безрассудство, иллюзии, идеализировать, разочарование);

8. неожиданность (хаос, вспышка, сюрприз, спонтанность);

9. не предполагает исключительности человека, выбранного объектом (сравнивать, раньше, другие).

Как видим, описываются два разных образа, каждый со своими признаками, т.е. два разных концепта. Отметим, что выделенные признаки пронумерованы только для большей наглядности и не могут быть упорядочены, поскольку постоянно «перетекают и переливаются внутри концепта» [3, с. 75]. Отсутствие подобной оппозиции во французском языке доказывает, что носители французской лингвокультуры репрезентируют концепт «amour» иначе.

Общеизвестно, что эмоционально-оценочная лексика тесно связана с национальным сознанием, с разного рода национальными факторами, национальной культурой, традициями, обычаями и т. п. Язык является средством накопления социального опыта, а эмоции представляют собой часть этого опыта. Иначе говоря, эмоциональный концепт культурно обусловлен.

Можно предположить, что для французов, о которых принято говорить, что они влюбчивы и легкомысленны [4, с. 91], более значимым является сама возможность получения удовольствия, положительных эмоций от взаимоотношений любого рода. Тогда как носителям русского языка свойственно пристальное внимание к нюансам человеческих отношений, являющееся одним из ключевых сквозных мотивов русской языковой картины мира [5, с. 16]. Как результат, русское языковое сознание продемонстрировало большую дифференциацию в лексикализации рассматриваемого эмоционального концепта, большую нюансированность в концептуализации эмоций. Приведем пример того, как французский язык прибегает к одинаковой лексической объективации разных с точки зрения носителей русского языка концептов.

Je ne sais pas si c'était de l'amour que j'avais pour lui en ce moment – j'ai toujours été inconstante et je ne tiens pas à me croire autre que je ne suis - mais en ce moment je l'aimais plus

que moi-même, j'aurais donné ma vie pour lui [S., p. 86]. – *Не знаю, было ли мое чувство к нему в эту минуту любовью, – я всегда была непостоянной и не хочу прикидываться другой. Но в эту минуту я любила его больше, чем себя самое, я могла бы отдать за него жизнь* [С., с. 2].

Je lui devais donc mes premières élégances et mes premières amours et lui en avais beaucoup de reconnaissance [S., p. 78]. – *Словом, ей я была обязана первыми элегантными нарядами и первой влюбленностью и была преисполнена благодарности к ней* [С., с. 96].

Показательным является и еще одно выявленное расхождение в сфере языкового представления все тех же любовных отношений. В русском языке слова 'влюбленный' и 'любовник' представляют два совершенно разных типа взаимоотношений, две разные модели поведения. Если в первом случае налицо положительно оцениваемая идея человека очарованного, всецело увлеченного, испытывающего любовное влечение, то второе является носителем негативной коннотации, поскольку предполагает в первую очередь плотские, физические отношения, необязательно сопровождаемые отношениями личностными и не одобряемые окружающими. Эти коннотации нашли подтверждение и в данных ассоциативных словарей. Причем далеко не всегда 'влюбленный' будет являться 'любовником' для объекта своих чувств, равно как и 'любовник' совсем необязательно будет 'влюбленным'.

Однако при наличии отдельных лексем для обозначения и того, и другого французский язык допускает использование одного и того же языкового знака для их представления.

Погоди... зайдем в этот дворик и условимся, а то я боюсь, что кто-нибудь из знакомых увидит меня и потом скажут, что я была с любовником на улице [Б., с. 477]. – *Attends... entrons dans cette cour pour réfléchir, sinon, j'ai peur que quelqu'un de connaissance ne me voie et n'aille ensuite raconter à mon mari que je me promène dans la rue avec un amoureux*. [B., p. 503].

Человек спереди мгновенно выхватил из рук Иуды кошель. И в тот же миг за спиной Иуды взлетел нож, как молния, и ударил влюбленного под лопатку [Б., с. 479]. – *Le premier des deux hommes arracha aussitôt la bourse des mains de Judas. Au même instant, dans son dos, un couteau fendit l'air et se planta sous l'omoplate de l'amoureux* [B., p. 506].

Как видим, одно и то же слово может в разных коммуникативных условиях репрезентировать, представлять в речи разные признаки концепта и даже концепты, воспринимаемые как разные носителями другой лингвокультуры – в зависимости от коммуникативных потребностей, объема, количества и качества информации, которую говорящий хочет передать в своем коммуникативном акте.

Данное положение вещей осложняется еще и тем, что никакое общение без эмоций практически невозможно. Если эмоции могут быть вызваны не только взаимодействием с другими людьми, то коммуникация неразрывно связана с эмоциональными переживаниями. Однако их репрезентация и интерпретация варьируются в разных лингвокультурах и потому заслуживают изучения и осмысления. В процессе коммуникации общающиеся должны владеть хотя бы базовыми знаниями об эмоциональных культурных концептах речевого партнера. Проникновение в концептосферу позволяет лучше осмысливать миропонимание и поведение людей, раскрывает универсальные черты, присущие концептосферам всех народов и национально-специфические черты концептосфер. За пределами родной культуры этим знаниям языковых личностей надо обучать специально как внешним знаниям. Решение этой задачи, по-видимому, требует разработки соответствующих учебных пособий или спецкурсов, ориентированных на подготовку к межкультурной коммуникации.

Источники примеров

S. – Sagan, F. *Bonjour, tristesse* / F. Sagan. – P. : Julliard, 1969. – 135 p.

С. – Саган, Ф. *Пруд одиночества: повести и рассказы* / Ф. Саган. – Вильнюс : Полина, 1993. – 327 с.

Б. – Булгаков, М. *Избранные произведения* / М. Булгаков. – Минск : Мастацкая літаратура, 1990. – 540 с.

В. – Boulgakov, M. *Le maître et Marguerite* / M. Boulgakov. – P. : Édition du groupe «Ebooks libres et gratuits», 1989. – 631 p.

Литература

1. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова. – М. : МГУ, 1997. – 245 с.
2. Воеводская, О.М. Лексико-грамматическое поле концепта / О.М. Воеводская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научн. изд-е / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 111–113.
3. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2003. – 193 с.
4. Николаева, Ю.В. Исторические корни национальных стереотипов / Ю.В. Николаева // Русская и европейская философия: пути схождения: сб. материалов конф. – СПб : научно-издательский центр «Кафедра», 1997. – С. 94–105.
5. Зализняк, А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. Зализняк, И. Левонтина, А. Шмелев // Отечественные записки. – 2002. – № 3. – С. 12–24.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 02.05.2016